

ЛИНГВОАНТРОПОЛОГИЯ ДИСКУРСА¹

Abstract. In his paper "The lingvoanthropology of discourse," *Nikolai Alefirenko* presents its hermeneutic-phenomenological aspects. This problem is considered in the context of a new "linguistic turning-point" in philosophy and the studies of culture. The primary focus of attention is on generating discourse in the conjunction to comprehension of discursive consciousness and the strategy of human intentionality.

Резюме. В статье представлены герменевтико-феноменологические аспекты лингвоантропологии дискурса. Проблема рассматривается в ракурсе нового «лингвистического поворота» в философии и культурологии. В центре внимания: смыслообразующий дискурс в сопряжении с осмыслением дискурсивного сознания и стратегии человеческой интенциональности.

Дискурс как лингвоантропологическая проблема в конце XX века становится точкой пересечения интересов языкознания, философии и культуры, что, собственно, и послужило главным узловым звеном новой научной интриги герменевтико-феноменологического характера. Следует заметить, что первый ее узелок завязался еще до появления понятия «дискурс». Вместо него в различных интерпретациях стал употребляться традиционный термин «текст». Одним из самых востребованных оказался «текст культуры» и «культура как текст». По мысли Ю.М. Лотмана, «текст культуры представляет собой наиболее абстрактную модель действительности с позиций данной культуры. Поэтому его можно определить как *картину мира* данной культуры» (см.: Лотман 1992: 58). Выделяют два типа текстов культуры: а) моделирующие континуумную структуру мира и б) моделирующие место и передвижение субъекта внутри такого рода структуры. Текст второго типа прежде всего представляет

---

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания НИУ «БелГУ» № 633662011.

«положение и деятельность человека в окружающем мире». В отличие от текстов первого типа, они, будучи сюжетными структурами, распадаются на событийные ситуации (эпизоды), которые в своей совокупности образуют нечто большее, связанное с довербальной деятельностью человека. Поиск номинации для такого образования остановил внимание исследователей на уже существовавшем в зарубежной лингвистике понятии «дискурс», наполнив его новым смысловым содержанием.

Проникновение в тайны семиотики культуры позволило открыть важные онтологические свойства произведений культуры, которые, как обнаружилось, строятся по законам «архитектуры» текста. По наблюдениям М.С. Уварова, «знаковая природа текста культуры раскрывается при расшифровке символических кодов, каждый из которых несет своеобразные смыслы, подлежит независимому авторскому прочтению» (Уваров 1996: 6). В таком тексте-дискурсе воспроизводится архитектоника «творческого озарения», в результате которого человек «находит себя» в культуре, которая, в свою очередь, вербализуется через человека и в человеке. Человек становится эпицентром дискурсивной деятельности, направленной на построение и интерпретацию сюжетных структур из осмысленных ранее событийных эпизодов. Интерпретирующая составляющая такой деятельности воскресила из ушедшей, как казалось, в небытие средневековой экзегетики идеи герменевтики. В построении ценностно-смыслового пространства дискурса герменевтика (уже на уровне подсознания) выстраивает невидимые мосты между культурно-историческими ассоциациями и символическими кодами порождаемого текста. Это само по себе является настолько нетрадиционной стратегией вербального мышления, что привело к возникновению лингвистического постмодернизма с его выходящими за пределы текста конструктами – *интертекст* и *интердискурс* (Алефиренко 2009: 7). Такая междисциплинарная архитектоника лингвокреативного мышления позже была названа «лингвистическим поворотом» в философии и культурологии. Его суть определяется выдвижением лингвистических знаний в центр гуманитарной науки.

Лингвистический поворот утверждался с разных точек зрения. Назовем некоторые из них: 1) тезис о том, что философские вопро-

сы являются вопросами языка (М. Шлик, Р. Карнап, Г. Бергманн, Г. Райл); 2) метафилософские проблемы философии идеального языка (И. Копи, М. Блэк, Дж. У. Корнман, У. Куайн); 3) метафилософские проблемы философии обыденного языка (Г. Максвелл и Г. Фейгль, М. Томпсон, Р. Хезр).

Сейчас уже точно не определить, кому принадлежит ставший ныне знаменитым термин «лингвистический поворот». Однако вполне очевидно: популярным он стал благодаря одноименной книге, вышедшей в 1967 году под редакцией Ричарда Рорти. В его вступительной статье лингвистический поворот сравнивается с другими научными революциями, названными Томасом Куном научными парадигмами. Лингвистический поворот – парадигма, утверждающая, что философские проблемы могут быть решены путем адекватного понимания языка (речи). Выступая против техницизма в философии, связанного с использованием специального понятийного аппарата, и отстаивая чистоту употребления естественного языка, такая лингвофилософская доктрина противопоставляет себя сциентизму логического позитивизма. Тем не менее теория Рорти далеко не сводится к этому противопоставлению. Она направлена на примирение сторонников анализа идеального и обыденного языков, настаивает на том, что будущее философии напрямую зависит от глубины осмысления/переосмысления речемыслительной деятельности человека. Прежде всего переосмыслению подлежат главные категории: «язык», «текст», «дискурс», «сюжет» и т.д.

Если язык – это идеальная знаковая система, служащая средством формирования и выражения мысли, то текст – первичная данность, исходная реально существующая точка не только науки о языке, но и любой иной гуманитарной дисциплины. Текст моделирует наиболее общее ценностно-смысловое пространство человека, создаваемую им картину мира. Дискурс же в широком его понимании – это субъективное речемыслительное отображение в нашем сознании картины мира. И важнейшим средством такого отражения служит словесный текст.

Если в тексте связность и цельность касается формальных и семантических закономерностей его построения, то в дискурсе эти свойства отражают когнитивную и прагматическую сущность рече-

мыслительных структур (англ. *cognitive* – относящийся к познанию; греч. *pragma* – дело, действие). До внедрения в научный обиход понятия «дискурс» под термином «текст» философия культуры понимала не только письменное сообщение, но любой объект, являющийся носителем информации (художественное произведение, вещь, обычай и т.д.). А всякое явление культуры стали рассматривать как сочиненный людьми с помощью знаковых систем текст. Действительно, *текст – это плоть и кровь культуры*. Благодаря убедительному обоснованию Ю.М. Лотмана данные положения вошли в метафорическую аксиоматику лингвистической культурологии. Однако не все здесь бесспорно.

Первая дискуссионная проблема возникает каждый раз, когда дело касается корректности прочтения и понимания текста культуры. Вторая проблема связана с вопросом: правильно ли текст прочитан и понят? Согласимся, что эти вопросы еще не получили однозначного ответа. Однако это лишь усиливает научную интригу: в частности, все более привлекательной в лингвистической антропологии становится проблема антропоморфизма языковых категорий (Омельченко 2010), сущности значения и смысла языкового знака в сфере языковой системы, текста и дискурса (Алефиренко 2012). Для ее решения прежде всего приходится преодолевать давно сложившееся убеждение в том, что значение – свойство единиц языка, а смысл – категория речевая, поскольку возникает якобы исключительно в тексте (в широком его понимании).

Мы исходим из того, что смысл – категория столь же широкая и междисциплинарная, что и значение. Смысл – настолько сложный феномен, что имеет отношение и к языку, и к когнитивно-дискурсивной деятельности человека, и к тексту. Как языковая категория смысл является конструктивной ячейкой языкового сознания, поскольку понимание места отдельного языкового знака в семантическом пространстве языка делает этот знак осмысленным. Иными словами, языковой знак приобретает для человека вполне определенный смысл. При этом, правда, возникает опасность сведения сущности смысла исключительно к субъективному содержанию некоего элемента языкового сознания. В таком случае смысл оказался бы по отношению к значению индифферентным образовани-

ем, что противоречит данным междисциплинарных исследований, согласно которым смысл не является эпифеноменом значения, то есть таким мыслительным образованием, которое не оказывает на значение никакого влияния (в силу его якобы сугубо субъективной сущности). Смысл (sense), как утверждают философы и психологи, не облачается в значение (К.К. Жоль), а объективируется в нем, подобно тому, как мысль совершается в слове (Л.С. Выготский). В конечном пункте всех возможных преобразований минимальные элементы смысла выкристаллизовываются в семы – содержательные компоненты семантической структуры слова. В этом аспекте смысл первичен, а значение языкового знака вторично: смысл выражается в значении, а не наоборот. Значение и смысл, таким образом, – взаимосвязанные категории. Однако здесь необходимо уточнить, что до сих пор речь велась исключительно о доречевом смысле. Вектор меняется, когда пытаемся раскрыть характер соотношения с и с т е м н о г о значения языкового знака и р е ч е в о г о смысла, под которым понимается индивидуальное значение языкового знака, выделяющее из объективной системы связей те, которые актуальны в процессе осуществления данного интенционального акта (по Г.И. Богину, рефлексии сначала на опыт, затем на душу носителя этого опыта). При таком понимании интенционального акта (см.: Алимуратов 2003) он рассматривается в качестве основного фактора появления смысла. В связи с этим следует уточнить, что известная формула А.Н. Леонтьева о том, что смысл выражается в значениях, справедлива только в отношении системного значения. Применительно к речевому смыслу векторное содержание этой формулы должно быть иным: «значение выражается в смысле», поскольку речевой смысл – личностно ориентированное преломление системного значения в языковом сознании. Системное языковое значение в таком понимании представляет собой совокупность элементарных смысловых компонентов, возникших в процессе исторической эволюции языкового знака.

В этом отношении целесообразно вспомнить понимание многоаспектной сущности значения А.А. Леонтьевым. В его интерпретации значение – это существующая вне и до отдельного знака система связей и отношений предметов и явлений действительно-

сти, которая, будучи соотнесена с отдельным знаком, образует его «объективное содержание». Во-вторых, значение – «идеальная нагрузка знака», идеальная сторона его, представляющая собой превращенную форму объективного содержания знака. В-третьих, значение – это социальный опыт субъекта, спроецированный на знаковый образ, или субъективное смысловое содержание знака (см.: Леонтьев 2001: 48). В данной интерпретации значение и смысл – в известной степени симметрично функционирующие величины. Однако в разных коммуникативных ситуациях значения и смыслы могут вступать между собой в асимметрические отношения, приводящие к возникновению различных метафорических преобразований. Действительно, с точки зрения когнитивной семантики, метафора – средство разрешения конфликта между значением и смыслом языковых знаков в их речевом употреблении. Внеречевой же смысл – это невербализованная часть понятийного содержания; концептуальная информация, не получившая отдельного языкового выражения, но служащая источником формирования языкового значения. Исходя из этого, следует признать, что семантическая структура слова соотносится с неязыковыми смыслами самих номинируемых предметов и событий. Смыслы вариативны, индивидуализированы, конкретны. Для того чтобы они были таковыми, необходима некая инвариантная величина, в рамках которой происходит это варьирование. Таким содержательным остовом по отношению к ним выступают языковые значения, фиксирующие устойчивые и социально ценностные (культурно значимые) знания и отношения.

Как сложное коммуникативное явление, включающее речемыслительную и экстралингвистическую информацию – знания о мире, мнения, установки, цели адресата, дискурс является еще и наиболее естественной средой смыслопорождения и знакообразования. Такого рода знакообразования способны к репрезентации достаточно объемной культурной информации – одновременно ценностно-смысловой, мировоззренческой и лингвистической. Именно такой дискурс, к примеру, лежит в основе возникновения выражения *Куда ни кинь – все клин*. Когда-то на Руси существовал обычай при распределении общинной земли кидать жребий. При этом земли рас-

пределялись небольшими долями, самая малая мера – клин, еще меньше осьминка – 1/8 десятины. Вот как об этом обычно говорили: «*Не постоишь за клин, не станет и осьминка*», то есть «*Уступишь в малом, не будет и большего*». Выхода из этого положения у крестьян не было: куда ни кинь жребий при дележе земли, все равно целого хорошего участка не получишь, достанутся лишь одни клинья. Поэтому выражение «*Куда ни кинь – все клин*» стало употребляться (уже безотносительно к данному обычаю) для определения безвыходности создавшегося положения.

Языковые знаки дискурсивного происхождения представляют собой яркий этнокультурный феномен синергетического характера в силу своей двойственной природы: сами знаки принадлежат языковому сознанию, а выражаемые ими представления – когнитивному. Поэтому такого рода ключевые языковые знаки являются опорными точками смыслового пространства культуры. Ценностно-коммуникативная сущность смыслового пространства культуры не только обнаруживается, но и формируется в дискурсе, понимаемом как совокупность устойчивых коммуникативных событий, которые закрепляются в языковом сознании всего этнокультурного сообщества при помощи знаков той или иной лингвокультуры. Их возникновение связано с «говорящим сознанием» (см.: Бахтин 1998: 116), с синергетическим взаимодействием языковых сознаний коммуникантов, в процессе которого происходит взаимокорректировка индивидуального сознания каждого из коммуникантов.

Социумное знание коммуникативных событий и речеповеденческих тактик в соотношении их с прецедентными высказываниями формирует наряду с языковым еще и дискурсивное сознание – своего рода речемыслительное пространство того или иного этнокультурного сообщества, формирующееся и являющее себя в коммуникации. Сущность дискурсивного сознания емко и стереоскопично выражает бахтинская метафора «говорящее сознание». Поскольку средой его существования оказывается речемышление (термин С.Д. Кацнельсона), то разновидность коммуникации, порождающей дискурсивное сознание, можно назвать транскрипцией «говорящих сознаний».

Основными единицами дискурсивного сознания являются речемыслительные образования, объективирующие коммуникативно-прагматические стереотипы в структуре соответствующего этнокультурного пространства – речевые стереотипы, характеризующиеся устойчивостью, воспроизводимостью и структурно-семантической целостностью.

Поскольку общение – это дискурсивная деятельность, связанная с обменом знаниями, возникает вопрос о видах и способах представления знаний – так называемых когнитивных схемах. В этом, собственно, и стимулируется слияние когниции и дискурсии в единой когнитивно-дискурсивной парадигме.

Интерактивность дискурса обуславливается совместным участием коммуникантов в процессах конструирования значений путем обмена информацией по определенным когнитивным схемам. Значения порождаются в результате заполнения слотов используемых когнитивных схем, их интерпретативного обогащения и видоизменения. Интегративная сущность когнитивно-культурной схемы формирования значения объясняется тем, что в основе культурной модели лежат общие для всего этноязыкового сообщества знания: наивно-предметная картина мира, социокультурные и личные знания. Разумеется, культурная модель – прежде всего устойчивая структура социокультурных знаний, которые, реализуясь в определенных когнитивных схемах (концептах, фреймах и сценариях), отражают соответствующую наивно-предметную картину мира, создавая антропологическое пространство этнокультуры. Такого рода пространство формируется в процессе взаимодействия «говорящих сознаний», а смысловое наращивание дискурса осуществляется, главным образом, за счет воздействия элементов субъективно-вариативных зон когнитивных пространств общающихся. Иными словами, инвариант когнитивного пространства коммуникантов – основа общественного языкового сознания, а его варьирующаяся область – индивидуального. Причем инвариантная общенациональная часть присутствует в языковом сознании каждого говорящего. С этой точки зрения лингвоантропологию дискурса, опирающуюся на идеи герменевтики и деконструктивизма, следует рассматривать как новую стратегию в осмыслении человеческой интенционально-

сти. Не случайно М.С. Уваров высказывает предположение, что «в самом языке наличествует нечто, не поддающееся рефлексивному самоотчету, нечто такое, что, подобно сингулярной точке, собирает энергию всех других интенций и в то же время уходит в глубины реальности, трансцендентной по отношению к языку» (Уваров 1996). Такое понимание дискурса в современной лингвофилософии открывает путь к осмыслению его как синергетического феномена (см.: Алефиренко 2007).

Лингвоантропология дискурса как одно из направлений «лингвистического переворота» – это поворот не от философии, а, скорее, построение новой антропологической доктрины языка. Ее предметом является человеческий (естественный) язык в сопряжении с такими объектами антропоцентрической философии, как разум, практика и бессознательное.

Литература

Алефиренко Н.Ф. Когнитивно-дискурсивная синергетика языка // «AUSPICIA». Ceske Budejovice. 2007. № 1. С. 14–20.

Алефиренко Н.Ф. Когнитивно-синергетическая методология современного лингвистического постмодернизма // *Przegląd Rusycystyczny*. № 2 (126). Katowice, 2009. S. 7–17.

Алефиренко Н.Ф., Голованева М.А., Озерова Е.Г., Чумак-Жунь И.И. Текст и дискурс. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. 232 с.

Алимурадов О.А. Смысл. Концепт. Интенциональность. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2003. – 312 с.

Бахтин М.М. Тетралогия. М.: Лабиринт, 1998. 552 с.

Леонтьев А.А. Деятельный ум (деятельность, знак, личность). М.: Смысл, 2001. 392 с.

Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Таллин, 1992. Т. 1. С. 386–392.

Омельченко С.Р. Антропоморфизм языковых категорий // Антропология языка: сб. статей. Вып. 1. М.: Флинта: Наука, 2010. С. 96–102.

Уваров М.С. Бинарный архетип. СПб., 1996. 214 с.

Rorty R. (ed.). *The Linguistic Turn* / R. Rorty. Chicago: UCPress, 1967. 393 p.